

Знакомьтесь, Абрамович!

Никогда не знаешь, кого пошлет судьба, если решишь перевернуть твою жизнь.

Яков был из тех редких людей, что сделали из фамилии профессию.

— Меня зовут Абрамович! — гордо провозглашал он. — Да, именно — Абра-мо-вич! Вам это что-то говорит?

Представлялся он скромно — управляющий банком. Название банка произносил скомканно, так что вы еле улавливали знакомую аббревиатуру. И тут же с предвкушением рыбака, закидывающего удочку, захлебисто спрашивал: — А вы где работаете?

Он коллекционировал нужные контакты. И если бы не злая судьба, подбросившая нам этот подарок — суетливого невысокого мужичка лет 50 с выдающимся пузцом и кривоватыми волосатыми ногами, поцыплячьими торчащими из цветастых шортов, мы никогда бы не повернули в его сторону головы. Но тут деваться было некуда.

Он сидел через проход в автобусе, который вез нас с подружкой Машкой из аэропорта Неаполя в отель у моря в Амальфи. Яков ехал на отдых с девицей. Девушка была моложе его лет на 25 и совершенно невзрачной внешности — пыльно-серая ночная бабочка с так и не проступившими из личинки чертами лица. Очевидно, Яков увлекался лепкой. То есть мечтал вылепить из

этой глины удобную для себя Галатею. Процесс уже пошел: девица была молчалива, и когда Яков от нее отвлеклся, как бы переставала существовать. Мне казалось, что и дышала она через раз. Экономила воздух.

Сначала сидящие рядом пассажиры общались с Яковом не без удовольствия. Дорога длинная, вниз на головокружительные обрывы с кровожадными клыками скал страшно смотреть, а тут — такой фейерверк красноречия. Через пять минут выяснялось, что у вас масса общих знакомых — он знает вашего начальника, начальника вашего начальника и всех его боссов вплоть до самого главного. А также всех, кто хоть как-то связан с перетеканием денег в любых сообщающихся сосудах.

Через полчаса его триндеж подкатывал к горлу тошнотой вместе с кружением отвесной дороги. Через час вы с надеждой поглядывали в пропасть. А он продолжал захлебываться рассказами о чудесах своей пронырливости.

— Вы в газете работаете? — заинтересовался он Машкой, когда она в ответ на его расспросы промычала что-то про отдел пиара в крупном издательском холдинге. Видно было, как жадно закрутились жернова его мозгов и выдали ответ: может быть полезным. Зачем, кому — наш новый знакомец еще не знал, но уже положил Машку с ее выдающейся грудью и пиар-службой на полочку своего файлообменника. Возможно, и фалло-сообщника тоже, так как он намертво забыл о сопровождающей его девице. Меня он проигнорировал: мы с моей аллергией (я — врач-аллерголог) и скромными относительно Машки размерами бюста были не в его вкусе. Про элитную клинику я дальновидно промолчала.

— Ма-ша! — заливался Яков так, будто они вдвоем сидели в уютном ресторанчике, а не в тесном вонючем автобусе, забирающемся, кряхтя и попердывая клубами дыма, на очередной круг серпантина. — Ну, вы-то долж-

ны его знать! Красовский! Послушайте! Его все знают! Так вот именно я вывел его денежки в Швейцарию. Именно я! Я создал такой фондик — мечта, а не фондик! Организовал как бы пожертвования. А потом мы эти пожертвования... Кстати! Ма-ша! У вас есть средства? Их же надо срочно выводить! Вам — лично вам! — я сделаю это практически бесплатно. Каких-нибудь 10 процентов... Но если у ваших клиентов есть проблемы...

Я ненадолго задремала, а когда очнулась, увидела замороченную до полуобморока Машку и продолжающего страстно токовать Якова: — А еще денежки — Маша, внимание! — можно сохранить так... Вы переводите мне всю сумму в рублях...

Автобус неожиданно остановился — уже стемнело, и мы не сразу поняли, что вход в наш отель находится прямо на дороге. Водитель выкинул чемоданы перед некогда голубой, а сейчас обшарпанной до костей итальянской дверью. Мы шагнули из духоты автобуса в еще большую духоту распаренной на солнце дороги, дохнувшей нам в ноги жаром. И с ужасом увидели, что из всей группы в этом чудесном месте живем только мы с Машкой. И Яков с девицей.

— Пойдите здесь! — сказал он нам. — Схожу на разведку!

Я поняла, что разведать он хочет, какая комната лучше. И потому тоже решительно шагнула внутрь.

Крошечный белый коридорчик можно было назвать рецепцией, только чтобы не обидеть хозяев. За карликовым столом в углу никого не было, но при нашем появлении звякнул колокольчик, и тут же откуда-то выплыла пышнотелая итальянка в цветастом платье.

— Ай нид бест рум! — тут же затараторил Яков, забыв о всяком джентльменстве. — Ай бест френд е хозяин! Хозяин, хозяин, — он щелкнул пальцами...

— Оуне! — тихо подсказала девица.

— Да, вот именно. Моя фамилия — Аб-ра-мо-вич! Андестенд?!

Толстуха на рецепции его не слушала. Она тарасилась в старенький компьютер.

— Паспорт! — сказала наконец, кивнув и нам с Машкой. Мы тут же протянули ей краснокожие книжицы, Яков панически шарил в сумке, приговаривая:

— Счас, счас. Си вью! Ну, море, море чтоб из окна. Хозяин велел!

Дама, не дрогнув, вытащила из ящика два допотопных, как будто от старинных дворцовых ворот, ключа и сунула их нам и Якову, не глядя.

Яков обиженно запыхтел, но мы с Машкой решили не ждать финала его «беструмовской» битвы. На гирьке-брелоке у нас была написана цифра 3, дама кивнула на лестницу, и мы поволокли вниз по винтовым загогулинам свои чемоданы.

На третьем пролете я стала жалеть, что мы не добавили по 200 евро и не поселились в более приличном месте.

— А еще нарисовали себе на фюзеляже четыре звезды! Может, у них эти звезды означают сбитые хозяином в войну самолеты? — бурчала Машка.

Но комната оказалась на удивление просторной, с двумя прижавшимися к светлым стенам кроватями и круглым столом с приветственной бутылкой вина. И большой террасой за старой разохшейся балконной дверью. Вид в 11 вечера не просматривался, только какая-то бездонная, пахнущая йодом влажная чернота. И мы завалились спать.

* * *

А утром сквозь муслиновые белые занавески к нам сначала ворвалось дрожащее от нетерпения солнце, а потом, когда мы выскочили на террасу, глаза осле-

пила бескрайняя синь. Оказалось, комнатка буквально висит над морем. Мы ошалевшими от счастья легкими вдохнули искристо-соленый воздух, глянули на скользящие по лазури белые мотыльки парусов, и...

— Де-воч-ки! — услышали откуда-то сверху знакомый голос.

Терраса Якова была в углу дома над нами. Они с девицей уже сидели за столиком и доедали завтрак.

— Как вы устроились? — весело спросил Яков, выглядывая сквозь резную решетку.

— Отлично!

— А как завтрак? Вам дают одну чашку кофе? А нам — две! Представляете — сначала они не хотели давать нам вторую! Ну, я позвонил местному туроператору, он не решил вопрос, я вызвал представителя отеля, он что-то мямлил, я дозвонился в Москву, и теперь нам дают две чашки!

В этот момент нам принесли завтрак. Кофе не было вообще. «Машина сломалась!» — пояснил официант, отводя глаза. Мы поняли, что хитрые итальянцы поят вгрызшегося им в печень Якова нашим кофе.

...На пляж мы спускались на лифте. Открывается дверь — и ты сразу, как в кино, попадаешь в другую реальность. Под ногами — раскаленная галька, хоть яичницу жарь. Под полосатыми зонтами — лежбища краснокожих туристов. А в двух шагах от них уже призывно шуршит море, катая белым языком прибой разноцветные камешки.

Именно об этом я мечтала в своей поликлинике, когда на очередной планерке шеф бубнил о том, что клиентов нужно обслуживать быстро и дорого.

— Не забывайте! — вещал он. — Это вам не социальная больничка! Пациент должен почувствовать наш высокий уровень по цене назначенных вами процедур! А вы, Елена Александровна, по 15 минут с больными

беседуете, а назначаете какие-то аллергопробы за три копейки! Разве можно так лечить?!

В такие моменты мне и хотелось нырнуть в какое-нибудь море. Ну или утопить в нем шефа.

Машка тоже намучилась в своей газете: желающих пиариться в допотопных бумажных изданиях становилось все меньше, и ее начальница съедала раз в квартал по сотруднику. Сейчас кольцо сжималось вокруг Машки. Поездка за полцены была просто подарком судьбы.

О, как мы ждали этого отдыха!

И дождались.

...Яков вынырнул из волны, когда нас можно было брать голыми руками — мы заходили в воду по острой гальке.

— Девочки, сегодня вечером едем в Читару! Я все узнал! Там рыбацкая деревушка и можно дешево поесть свежего тунца.

— Да тунца здесь в любом ресторане дают! — заметила Машка.

— Это не то! Там его разделяют на твоих глазах. И главное, стоит — копейки! Ко-пей-ки!

— Да-да, мы подумаем! — прервала его Машка, и мы обе нырнули в воду с головой.

Вечером мы выбегали из отеля, как солдаты под обстрелом. Бросками от одной точки до другой, лишь бы не встретиться с соседями.

* * *

...Амальфи пах жареными на гриле кальмарами, саунно-горячими камнями и лимончеллой. Лимоны здесь были везде: их рисовали на футболках, полотенцах, тарелках, платьях, они косили желтыми глазами с пузатых бутылочек в витринах, подмигивали со всех

стендов с магнитиками и, конечно, растекались по горлу ароматным щекочущим ликером, который вам плескали в рюмочки в каждом заведении.

Зазывалы в колоритных костюмах тащили туристов к выставленным на льду серебристым рыбам и тазам с запятыми мелких креветок.

На третьей таверне мы позорно пали, так и не дойдя до ресторана у моря.

Просекко защекотало горло холодными пузырьками, длинные змеистые спагетти ди маре воздвиглись горами на гигантских тарелках, ошетилившись броней черных ухмыляющихся щербатыми пастями мидий...

— Любите ли вы Италию, как люблю ее я? Нет, вы не любите Италию... — повторяла я спустя три часа заплетающимся языком, с трудом взбираясь вверх к нашему отелю.

Яков стоял у входной двери. На руке у него висела полуобморочная девица с зеленоватым лицом кикиморы: я поняла, что ее укачало в автобусе.

— Да, девочки, вы молодцы, сэкономили на дороге! — затараторил Яков, перегораживая нам вход. — Представляете, в этой Читаре такие же цены! Ну, я сказал, что я из народного ресторанный контроля! Вызвал директора таверны. Пригрозил, что всех выложу в интернет. И мне таки сделали скидку! — он бросил на нас победный взор. — Зато потом! О! Мы пошли на местный рынок. А там все дают пробовать. Представляете? Оливки, сыр, вино — все! Бесплатно! Мы так напробовались! До отвала! Никакого ужина не надо!

Увидев наши кислые мины, Яков спохватился:

— Нет, я и в номер кое-что купил! Специально для вас! Шампанское и дыню!

И муки, пережитые им при этой разорительной покупке, проступили на лице горестными складками. Даже я оценила его размах — в переводе на нормаль-

ный это было все равно что купить квартиру и яхту двум случайным соседкам по гостинице.

— Ну что, девочки, пойдем к нам, накатим?

— Не получится. Нам завтра на экскурсию рано вставать! — сказала я.

— Но ведь я уже все купил?! — изумился Яков. — И у меня для Маши есть такой скандальчик! Розан, а не скандальчик! Ее газета миллион за него заплатит!

— Сейчас все наоборот: газетам платят, чтобы скандальчики публиковать! — проворчала Машка и движением бедра отодвинула от двери Якова вместе с его полубморочной спутницей.

— Чего ему надо? — бубнила Машка, когда мы скачивались вниз по лестнице. — Я понимаю, когда мужики клянутся втайне от жен и любовниц. Но чтобы вот прямо на ее глазах?

— Мне кажется, его не ты возбуждаешь, а твоя газета. Как думаешь, девица — жена или любовница?

— Конечно, любовница! Из подчиненных. Терпит и молчит.

Вечер мы решили закончить у себя на террасе с подаренной отелем бутылочкой вина. Но не успели ее достать, как в дверь отчаянно забарабанили:

— Ма-ша, Ле-на! Але!

— Я быстро разденусь и лягу в кровать! — шепотом предложила Машка.

— Думаешь, Якова отпугнет вид раздетой девушки в кровати?

— Откройте! Вы здесь? — продолжал он биться, как шмель о стекло.

— Придется открыть, — вздохнула я.

Яков стоял на пороге в одних боксерских трусах. Он пытался втянуть волосатый белый живот и поигрывать чем-то вроде мускулов, надежно скрытых по-обезьяньи обильной растительностью.

— О, вы дома! — светски удивился Яков, как будто это не он только что чуть не выломал дверь. — Ну что, по шампусику? — При этих словах он попытался просочиться к нам в комнату через узенькую щелку.

— Мы хотим спать! — закрыла Машка лазейку собственным телом.

— Спать?! Когда можно выпить шампанского даром?

Но я уже захлопывала дверь, приговаривая:

— Завтра! Все завтра!

Я не знала, что никакого завтра у Якова с шампанским уже не будет...

Машка рулит!

Утром мы помчались на причал, чтобы успеть на катер до Капри. Надо же увидеть, где жил наш пролетарский Буревестник, выкликавший бурю на головы несчастных россиян.

...Палуба была набита пассажирами, как метро в час пик. Чтобы найти свободное место, Машка нырнула под какие-то заградительные веревки и уселась на лежащие бочки. Я только пристроилась рядом, как из открывшейся каюты возник симпатичный итальянец в морской форме:

— Здесь пассажирам нельзя!

— Да разве мы пассажиры! — сказала Машка, обволакивая мужика лучистым взглядом. — Мы морячки! Вы знаете, что Москва — порт пяти морей?

— В Москве есть море? — удивился итальянец.

— Нет, моря нет. А морские порты есть! Так у нас на плакате в парке написано. Загадочная русская душа! Как вас зовут?

— Меня? Микеле.

— Вот кстати, Микеле, не могли бы вы мне помочь? Давно мечтала узнать: а чем морские суда отличаются от речных? — подсекла добычу Машка.

Она давно открыла этот секрет: хочешь понравиться мужику, попроси его что-нибудь объяснить.

Через десять минут захватывающего рассказа об особенностях осадки, радиосвязи и грузоподъемности Микеле решил поверить теорию практикой:

— Девушки, а вы не хотите пройти на капитанский мостик?

Это была его роковая ошибка.

— Конечно, хотим! — сказала Машка.

Но как только шагнула в рубку, потеряла к нашему спутнику всякий интерес.

Капитан! Чернокудрый красавец в белоснежной морской форме! Он небрежно держал руль загорелыми руками и косил на нас огненно-конским глазом.

— Господи! Всю жизнь мечтала подержать в руках такой руль! — воскликнула Машка.

Я усмехнулась двусмысленности фразы, но капитан уже нежно обнимал ее за плечи, показывая, как обходить вечно путающиеся перед носом яхты.

— А вот там — остров сирен! — кивнул он на виднеющиеся вдалеке зубцы скал. — Здесь они пытались соблазнить Одиссея! Ох, эти женщины!

И он игриво положил свои ручищи поверх Машкиных.

Несчастные пассажиры так и не поняли, почему при полном штиле их безбожно мотало всю дорогу до Капри. Зато Машка узнала, как обходить буи, что делать, если прямо на тебя движется пассажирский лайнер, почему надо держаться подальше от скал и женат ли капитан.

Капитан сказал, что не женат. Так делают все Машкины кавалеры.

И перед швартовкой Роберто и Машка обменялись — еще не кольцами, но телефонами. Хотя после совместного поворота руля от скутериста, когда Роберто впечатался в Машку всем мускулистым телом, он, на мой взгляд, уже, как честный человек, был обязан...

Микеле, вздохнув, попытался увлечь меня осмотреть какую-то очень интересную подсобку, но я гордо отказалась.

Наконец мы шагнули на солнечный, утопающий на вершинах скал в зелени остров. Что вам сказать! Я тоже с удовольствием проторчала бы на нем в изгнании. Недаром и Ленин сюда со своей Инесской наведывался. У них тут было революционное гнездо. Умели находить места для сходок эти борцы за права пролетариата! Как рассказала гид, именно русские революционеры на острове курили самые дорогие сигары и жили в самой дорогой гостинице.

Мы осмотрели бывшую виллу Горького — сейчас в ней отель, погуляли по острову, причем Машка недовольно пыхтела:

— Ни за что бы здесь не поселилась! Ни одного нормального пляжа! Только скалы! Эти идиоты строят дорожные виллы, а купаются в бассейнах. Да в бассейне можно и в Мухосранске поплавать!

Словом, мы чудесно провели день. Поужинали в прибрежном ресторане. И поздно вечером осторожно прокрались к себе в номер. У соседей было тихо. Мы только умылись, разделись и легли, как в нашу дверь постучали: слишком робко для нахального Якова. Я посмотрела на мобильник: 12 часов.

— Маша, вставай! Это к тебе капитан прибыл! Хочет поучить тебя поругать чем-нибудь еще! — не выдержала я.

Машка, чертыхаясь, встала и спросила у двери:

— Кто?